

Александр Аннин

ЛЕЗВИЯ ЛУЖ

Часть первая

ПАЛИНДРОМЫ

Пролог

«С деньгами где угодно можно жить хорошо.
Но только не в нашей Велегже!

Будь ты хоть трижды миллионер, тебя здесь все равно исхитрятся унизить, облапошить, опоить фальшивым пойлом. Недодать, недолечить, недоразвлечь.

Город *Недо* — хотя, вроде бы, живут тут не одни только недоумки.

Вековая печать несостоявшейся столицы Русского государства — вот он, крест, который навсегда определен старухой-судьбой для ни в чем не повинной Велегжи. И ни сбросить велегжанам этот крест, ни обменять его на что-нибудь более сносное не получается вот уж четыре с половиной века. Мечтал, мечтал Иван Грозный превратить сей град в свою стольную резиденцию, да, стало быть, недомечтал до конца.

И что сегодня? Даже губернатор велегжанский величается не так, как у людей,

губернатором, а как-то по-сиротски, областным головой. Тут как тут оно, вездесущее велегжанское «недо». Театр-недострой, мэр-недомерок. Декан местного пединститута — тот еще недотепа... Штучка-недоучка. Да и сам «пед» — вчерашнее училище, недоинститут.

В недобрый час замутил царь Иван перенос столицы в Велегжу, ославил древний город, который как-никак — ровесник Москве. Это ведь что же в результате вышло-то? Ну, представьте, выдвинули человека на высокий пост, на весь крещеный мир об этом растрезвонили, а потом почесали-почесали в затылке, да и объявили: нет, мол, поспешили мы оказать сему холопу наше высокое государево доверие. Переоценили, перехвалили. Не по Сеньке, мол, шапка, не по кобыле седло...

В общем, срамотно получилось.

А не всегда так было. Ах, какими славными эпитетами награждали в былинные времена затерянную меж лесов и рек Велегжу! Насон-Город, Новый Иерусалим (да-да, именно так!). И даже — Третий Рим. Это уж позже, когда проект переноса стольного града в Велегжу был окончательно свернут, Третьим Римом стали именовать Москву. Надо ж, дескать, столь удачное словосочетание к делу приспособить.

Вот и приспособили.

Чуть позже и Новый Иерусалим возле Москвы отгрохали.

А Велегжа осталась просто Велегжей. Безо всякой там высокодуховной смысловой нагрузки. Да и та, что была когда-то, с веками позабылась. Вот, к примеру, что значит — Насон-Город, скажите на милость? А никто вам не скажет, ни школяр-зубрила, ни хранитель фондов местного краеведческого музея. Одна лишь только водочная этикетка с таким названием и знакома в нынешней Велегже всем и каждому. Скажи кому-нито: «Насон-Город», так собеседника сразу и закусить потянет. Ну, может, иной мужик, выпив да закусив, припомнит еще и бабкины заунывные песнопения:

«Ко Насону¹ да ко

¹ *Имеется в виду трагическая история двух малолетних племянников Великого князя Московского Ивана III Васильевича (1462–1505), прозванного, как и его внук Иван IV — Грозным. 12-ти и 13-летние Иоанн и Димитрий были заключены своим державным дядей в вологодскую темницу вплоть до самой их смерти. Иван IV Грозный во время своего пребывания в Вологде даже не удосужился поинтересоваться условиями содержания узников (они сидели на цепи в темном каземате уже сорок лет). Многие ждали от царя, что он проявит милость и освободит ни в чем не повинных родственников.*

городу
 Ой даплыли три
ладьи,
 А в одной той лодье
Царь-Государь,
 А в другой его бояре
да князья,
 В третьей лодье двое
узников,
 Двое узников —
царевичей младых...
 О-ой».

Это, видать, насчет того былина-то, как царь Иван двух наследников престола московского, братьев-княжат Ивашку да Димитрия, в каземате велегжанском уморил. Вот и все, на что сгодились Велегжа бесноватому владыке.

Н-да, Насон-город... Это, знать, в честь пророка Наассона, что служил военачальником при Моисее-Боговидце. Читали про исход евреев из Египта? Куда вам, темным... И как подошли толпы евреев со своим скарбом к морю Красному, взмолился Моисей Богу: спаси нас, Создатель, за нами войско фараона гонится! И услышал Моисей обетование от Господа: помогу, мол... Только ведь не бывает, чтобы так вот запросто чудо подали, на блюдечке. Надо кому-то столь сильно поверить в

это самое чудо, чтобы без колебаний в пучину морскую броситься. И вышел Наассон, и прыгнул. И расступились воды, образуя путь ко спасению.

С тех пор чудесный, мгновенный переход личности или государства в качественно иное, неизмеримо высшее состояние именуют «прыжком Наассона». В этом и виделся просветленным людям таинственный удел Насона-города — Велегжи».

Тимофей Ильич утомился рассуждать да распевать былины в одиночестве, замолк, принялся разглядывать себя в засиженном мухами зеркале, приглаживать своей единственной рукой, а именно — левой, жидкий чубчик на темени. Сердитые размышления о судьбе родного города, этой несостоявшейся столицы Руси, не могли, однако помешать процессу ночного бритья.

Отчего ж ночного-то, ведь не по-людски как-то? Не по-людски, верно.

Просто сегодня Тимофею Ильичу не спалось, червь нетерпения и тревоги сосал его изнутри, заставлял ни свет, ни заря тереть обмылком щетину.

Куда ж собирался полнощный Тимофей Ильич, в какие обитатели мнил он путь свой держать? В какие эмпиреи? А вот в какие: в самый что ни на есть обыкновенный дурдом. Впрочем, не совсем обыкновенный... И был предстоящий визит и намеченный разговор ответственным донельзя, а

потому — тщательно обдуманном и многократно взвешенным.

Много в чем, сокровенном, покается он поутру перед Главпсихом, а кое в чем — и отчитается.

Да, кстати! А позвольте полюбопытствовать, с чего это вдруг Тимофей Ильич начал свои предрассветные рассуждения с такой странной сентенции — мол, с деньгами везде хорошо, да только не здесь, не туточки, а там, где нас нет? Ему-то что с того? Ведь у Тимофея Ильича этих самых денег в достатке отродясь не водилось. И если уж по-хорошему разобраться, не его это проблема выбора, не его тема для сетований да упреков в адрес родного города.

А может, потому и размышлял на эту тему бессонный Тимофей Ильич, чтоб начать новый день с утешительного для себя вывода: что с деньгами, что без оных — один черт, кругом сплошная обманка. Жизнь с приставкой «недо».

От таких помыслов, глядишь, и отступит хоть на время занудное самоедство, самоукоризна. В очередной раз смирится Тимофей Ильич с безвариантностью своего бытия, и снова, вплоть до сумерек, обретет покой его обнищавшее сердце.

* * *

Через арку фигура вошла в замусоренный, прямо-таки захламленный дворик-колодец, остановилась, глаза машинально глянули вверх.

Как оно и положено, со дна «колодца» в квадрате неба видна была россыпь созвездий; только, говорят, из глубины всамаделишного деревенского студенца они видны даже ясным днем... Чудно !

А сейчас ночь, и ничего чудного нет в том, что разновеликие осенние звезды заглядывают во дворик, подмигивают...

Точно так же мерцали они и двадцать веков назад, когда Симон Петр, «имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо; имя рабу было Малх». Доподлинно записано у Иоанна Богослова, живого свидетеля тех событий. С формальной, юридической точки зрения — живого и по сей день. Только без вести пропавшего, хотя в розыск его никто не оформлял. Ибо, как говорят сами юристы, а вслед за ними — представители так называемых компетентных органов, «нету тела — нету дела».

Тело Иоанново и впрямь не обнаружено до сих пор. Ушел старик помолиться в горы, один ушел, и больше его никто не видел. Даже могилки для поклонения — и той христианам планеты не осталось.

Как и могилы Малха. Которому, собственно

говоря, ни одно поколение рода человеческого поклоняться и не собиралось. Пока. Не пришел еще урочный час.

Фигура протиснулась между завалами пустых картонных коробок, ладонь нащупала скобу железной двери. Открыто... Здесь всегда открыто для тех, кто знает.

Затхлая подсобка дышала чьим-то прерывистым дыханием. Из-за перегородки доносились дробящиеся звуки музыки, звяк стекла — там, за стенкой, ночной бар жил своей обычной жизнью.

В компетентных органах (а таковыми по наивности своей у нас привыкли считать себя довольно многочисленные структуры) таинственной фигуре, а на их языке — фигуранту, проникшему на этот раз в подсобку бара «Камила», присвоили прозвище «Малх». Ну, видимо, чтоб хоть как-то обозначить неопознанную человеческую особь в следственном деле. Так и повелось — уж с месяц — говорить между собой: «дело Малха». Было в деле и тело, да не одно.

Мало кто задумывался, откуда взялось это условное прозвище — Малх. Появилось ли оно случайно, само по себе, в недрах следствия — подобно тому, как возникло когда-то вымышленное имя «Джек Потрошитель»? Или все-таки кличку «Малх», закрепившуюся за неуловимым инферно,

сыскарям ненавязчиво подбросили?

Во всяком случае, теперь уже не могли вспомнить, кто первым столь вычурно обозвал объект розыска. Хотя умные люди, введя это прозвище в поисковую систему компьютера, сразу же определились, откуда заимствовано имя Малх. Евангельский персонаж... И, конечно, эти же умные люди тут же принялись разрабатывать версию о ритуальных убийствах — версию, вроде бы, очевидную, ибо таковые серии умерщвлений никогда не были редкостью на планете. Особенно же — в последние десятилетия.

Согласно показаниям свидетелей (какие они к шутам свидетели, так, одно название!), всякий раз неподалеку от места преступления появлялась странная, не то пугающая, не то — забавная машина, она перемещалась почти беззвучно, на одной и той же скорости — примерно тридцать км/ч. Черная «Победа», вот такая это была машина.

Ну скажите на милость, сколько в Велегже сохранилось черных «Побед»? И неужели так трудно отыскать диковинную, винтажную тачку в небольшом городе? Трудно, ох, трудно. Ибо данное авто, как выяснилось, в реестре здешнего ГИБДД вообще не значилось. Н-да, не значилось! Но оно — есть. Значит — в единственном незарегистрированном экземпляре. Стоит себе

тихонечко в потаенном месте, хоронится.

На этом познания следаков по делу Малха упирались в тупик. Даже определить с половой принадлежностью искомой персоны пока что не удавалось. В местах его деяний обнаруживались окурки популярных в народе сигарет «Огонек», а также — обильно смоченные слюной кусочки жвачки. Эксперты ГУВД, разумеется, исследовали эту слюну. И натыкались то на женскую XX-хромосому, то на мужскую XY. А человек-то был один — это доказывалось другими, не менее значимыми для следствия уликами. Например, почерком на «эпитафиях», которые неизменно оставлял безликий (а теперь уже якобы и бесполой) Малх. И, конечно же, техникой перерезания горла, которая во всех случаях была сходной. Не говоря уж о модели пистолета и характерном наклоне ствола при совершении выстрела.

Так отрапортовали эксперты-баллисты, криминалисты, графологи. И...

Теперь уже эксперты попали под пристальное наблюдение (само собой, негласное): не иначе как озоруют, причем злобно, эти специалисты. Путают компетентных людей, заморачивают им голову противоречивыми выводами. Во всяком случае, как минимум один из экспертов — этакий засланный казачок. Или двое? Значит, заговор, в котором участвуют «свои»? Это, братцы, уже серьезно...